

An abstract painting with a dark, moody atmosphere. The background is a mix of dark, textured brushstrokes in shades of black, grey, and blue. A bright, warm yellow light emanates from the center-right, creating a strong contrast. In the foreground, a dark silhouette of a person stands on a reflective surface, looking towards the light. The word "LIVE" is written in bold, black, capital letters on the yellow light area.

*Обо всём по
чуть-чуть.
ТОМик 1*

LIVE

Евгений Киреев

18+

Евгений Киреев

Обо всём по чуть- чуть. ТОМик 1

<https://litres.ru/74150083>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если вы ещё задумываетесь, — не шатающиеся ли деревья являются причиной ветров, а белые медведи — суть бурые, но поседевшие; действительно ли Йети так умело скрываются, потому что мы им противны, а Чёрное море выкопали, сами знаете кто — эта книжка для вас.

Коротенькие рассказы, вошедшие в ТОМик, надеюсь заставят улыбнуться и посмотреть не только на окружающий нас мир, но и на себя, свои чувства, со стороны и более пристально.

Самое важное в человеке, безусловно, — душа, но что такое душа? Вселенная чувств, стремлений, ощущений, слов, в конце концов Из всего перечисленного и намеренно вынесенного за скобки, только словами можно постараться поделиться, обратить внимание на смыслы и напомнить самому себе — это был Я.

С Любовью, Евгений К.

Содержание

Испуганное счастье	4
Моим школьным друзьям посвящается	11
Поколение X	16
Часть I Загадки питерской романтики	21
Часть II Счастье	27
Часть III Фантомные боли	38
ЧАСТЬ V Все не то, тем чем кажется и не наоборот	44
Тихо сам с собою...	50
Часть IV Время	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Евгений Киреев

Обо всём по чуть- чуть. ТОМик 1

Испуганное счастье

Майское солнце, как деморализующий фактор процесса обучения выполняло свою миссию на отлично, поэтому привычный, звонок на урок моментально превращал весёлую ватагу в обречённо занимающих свои места, за партами, школьников. Броуновское движение, вопреки всем законам прекращало существование с первым «дзынь» электронного колокольчика.

Игорь, на последних нотах звонка, успел, прожевав бумажку, смачно, сделать выстрел из пластиковой трубочки, входящего в класс Вовку, но отвешенная оплеуха, полученная им от соседки по парте, сбила прицел оружия, и снаряд улетел в неизвестность.

— Галка, ты с ума сошла? Чё я сделал-то? — Поправляя чудом не улетевшие на пол очки, возмутился Игорь.

— Сядь, я сказала! — Безапелляционно, не объясняя рукоприкладства и даже более того — всем своим видом показывая, готовность к рукопашной схватке, до двенадцатого

раунда, ответила соседка, — быстро я сказала!

Игорь нехотя подчинился, глядя снизу вверх на самую высокую девушку в классе, — да сижу я, сижу! Всё, отстань! Галка, не начинай... — Мысль, как песня, оборвалась от прилетевшей в шею «пули» — сжёванного кусочка промокашки, выпущенного из духового ружья неизвестным одноклассником.

— И долго мы будем тут сидеть? — Встав со стула, окинув взглядом одноклассников, отдельно оценив большой вырез декольте Наташки, за соседней партой, и позавидовав её избраннику — Серёге, поднял знамя якобинцев Игорь, — как принято у студентов? Если преподавателя нет пятнадцать минут, то студенты вправе уйти с урока! Осталось две минуты! Расходимся! Два урока свободы!

В коллективе, как в любом, пусть даже самом маленьком государстве, моментально произошло расслоение на революционеров, возглавляемых Игорем, со сторонниками в лице Вовки и Славки, и консервативные элементы, в лице немногочисленных отличниц и неопределившегося электората.

— Мальчики, так же нельзя, — как гром среди ясно выстроенного плана побега, прозвучали слова Инны, — вдруг Зинаида Владимировна просто опаздывает?!

— И я так думаю, — поддержала её подружка и тихонько добавила, — давайте подождём!

— Ничего и никого мы ждать не будем, — мысленно за-

бирая микрофон, возразил Игорь, — Люба и Инна остаются! Остальные свободны!

Помещение наполнилось какофонией звуков отодвигаемых стульев, мешавших движению колонн, свободолюбивых школяров, столов и обсуждения неожиданного освобождения.

— Ребята, — с надеждой в голосе пыталась вразумить восставших Любовь, — может, всё-таки подождём учителя? Голос Любви, как и голос разума, утонул в море адреналина и тестостерона.

Яркое солнце встретило восставших на ступенях школы.

— Пошли-пошли! — подбодрил Славка друзей.

— А куда идём-то? — Жмурясь от слепящего солнца, остановился Вовка.

— Да не всё ли равно? Хочешь направо, хочешь налево — продолжил Славка, — все пошли гулять направо, значит, нам в другую сторону. Игорь, пошли, ты-то, чего встал?

Вся прелесть бессмысленного путешествия, заключается в том, что оно может быть остановлено в любой точке, которую можно официально объявить концом маршрута. Опираясь на это умозаключение, трое друзей, отойдя от здания школы, нежно-розового цвета, на безопасное расстояние — триста — четыреста метров, уселись на высокий цоколь продовольственного магазина.

— Всё, пришли — констатировал Славка и свесил ноги.

— Эх, на речку бы сейчас, — мечтательно произнёс

Игорь, — но пока мы туда дойдём, обратно нужно будет возвращаться. Будь он неладен шестой урок... А ты чего хочешь? — Оборотился Славик к Владимиру.

— Я хочу в футбол поиграть, — неожиданно озвучил мечту подельник, — я вообще мечтаю стать игроком ЦСКА!

Славка от неожиданности на несколько секунд перестал болтать ногами, — Во как! Ну рассказывай, чего там хорошего и какая от этого польза человечеству? — Вовка, видимо, не единожды прокручивавший в голове самую сокровенную мечту, прыгнул с насеста и встав перед друзьями, как тамада в Колизее выдал тираду: как вы не понимаете?! Это же просто обалденно! Слушайте! Ну, во-первых, это не просто мячик по полю гонять — это служба! Там все офицеры! Форма — красота! Во-вторых, на пенсию выходят в тридцать-тридцать пять лет. В-третьих, они столько зарабатывают, что могут всю оставшуюся жизнь не работать и имеют всё, что захотят — машины, квартиры, яхты... И всё это в окружении красивых девчонок!

Игорь вспомнил увиденное сегодня декольте и усы Серёги, который клятвенно пообещал их сбрить, если его любимая футбольная команда не выйдет в полуфинал, отчего наверняка будет нравиться обладательнице глубокого выреза, ещё больше...

— Именно поэтому я уже год хожу играть в футбол, — подвёл черту Вовка.

— Замечательно, — согласился Славка, — а вот скажи

мне, какая польза будет миру оттого, что конкретно ты будешь носиться за мячиком? Я тоже люблю погонять мяч, но делать это смыслом всей жизни... Какая польза человечеству оттого, что ты всю жизнь бегал по полю? Бегал-бегал и в тридцать лет ушёл на пенсию... Когда ещё эти тридцать лет будут?! Может, мы не доживём! Я вот совсем не об этом мечтаю. Мечтать нужно глобально! Я хочу, чтобы на всей планете наступил коммунизм! Представляете — никаких границ, никаких иностранных языков, всё друг другу братья! Все живут одной мечтой — чтобы всем было хорошо! Работают для того, чтобы всем было хорошо и у всех всё было. Построятся города, у всех будут квартиры, еда будет для всех — бери сколько хочешь, деньги будут не нужны, машины будут у всех, мотоциклы... Все болезни победим. Нужно только коммунизм поострить...

— Славка, мне кажется, что мы до этого не доживём точно, — возразил Игорь, — я вот, например, хотел бы верить в твою мечту, но где в ней счастье? Конечно, я тоже хочу мотоцикл, жвачку и карман конфет... Я тоже хочу, чтобы все не болели, но разве это счастье? Откуда ты знаешь, счастлив ты или нет, если у тебя всё есть? У всех всё есть и всё не болеют... Они счастливы? Я для себя определил смысл жизни — вот только сейчас, пока мы об этом заговорили, — Игорь задумался, оценивая, поймут ли его слова друзья, — нужно сделать хотя бы одного человека счастливым. Сделать одного человека счастливым не так сложно, как постро-

ить коммунизм на всей планете, или стать чемпионом мира в футболе... Кстати, Славка, смотри, если я сделаю счастливым одного-единственного, а он — другого, тот — третьего и так далее, может быть, и наступит твой коммунизм? Может быть, кто-то также сделает счастливым меня и мне не нужно будет иметь яхты, деньги и автомобили, чтобы быть счастливым?

— Разговор зашёл в тупик, — констатировал Славка, спрыгивая с цоколя, — пошли, время вышло, у нас ещё химия пятым уроком... Роза Караевна, наша любимая химичка, нам прогула точно не простит. Осталось несколько дней до каникул и будет всем счастье...

P.S. От автора:

Прошло тридцать пять лет после того, как состоялся разговор трёх друзей... Ни пять, ни пятнадцать и даже ни двадцать — тридцать пять лет! Я частенько вспоминаю тот юношеский максимализм, с которым каждый пытался доказать свою правоту и истину в первой инстанции — кто же был прав? Какой путь короче, да и известна кому ни будь именно та тропинка, которая ведёт к счастью? Ребята разошлись. Нет, не тогда, когда они пошли на урок химии — значительно позже... Их раскидала жизнь. Коммунизм в Мире пока не построен и строительство в ближайшем будущем, видимо, не планируется, сборная России по футболу ни разу не заняла звания «Чемпион Мира», и надежд на это всё меньше и меньше, но существуют ли счастливые люди? Конечно! Зна-

чит ли это, что вариант Игоря более практичен, реалистичен и жизнеспособен? К сожалению, нет. Можно ли сделать кого-то счастливым — нет! Счастье невозможно подарить, купить или получить в наследство — это личное чувство. Его можно только чувствовать...

Осчастливить невозможно, а это значит, что счастье не приобретаемое чувство, оно уже расположено в нас с вами... В каждом! Свой набор... Исключений не бывает! Задача лишь в том, чтобы не мешать собственному испуганному Счастью показаться на глаза, и, случайно, не спугнуть Счастье близкого и Любимого человека — может быть в этом смысл?

Моим школьным друзьям посвящается

Странное ощущение — ощущение такое, как будто тебе ещё двадцать шесть лет, ну хорошо — тридцать, а твои ровесники рассказывают о выросших детях, о том, что кто-то из детей на войне, и они их ждут, о том, умерли уже их мама, и папа, которых ты знал, и проблемы со здоровьем... К удивлению, не подавая вида, узнаёшь про всё это про них, а как бы про себя... Больше тридцати лет назад виделись, общались, строили планы, и вот снова встретились. Да, виртуально, не вживую, глупо — в мессенджере... Слово «встретились» здесь, скорее всего, неверное — собрались, более точное отражает современные встречи, хотя и оно, откровенно, — так себе... Может это так и работает? Сначала люди встречаются, школа, институт, общие интересы, одна музыка, одни звёзды, одни каштаны, в центре города... Одни мечты, на счастливую жизнь, потом тайм-аут лет на 30—40, а потом они опять объединяются, вспоминая общие корни? Кого-то узнаешь по сленгу, кого-то успеваешь погуглить и найти в «ОК» или «ВК» или после, беспардонной, просьбы выслать фото. Последняя попытка вспомнить, по фото, кстати, более предпочтительная, хоть и менее деликатная — по улыбке и глазам узнаёшь всех, всех 100%! Неужели это так

работает в этой жизни? Это финал? Занавес?

Помнишь девочку в соседнем доме? Ну та, что на третьем или четвёртом этаже? Не помню, да и неважно уже... Дом ещё перпендикулярно стоял! А ты — на втором... Забыл? Ты что, забыл подаренный родителями телескоп? И как неудобно было смотреть, в этот дом и в это окно, сквозь ветви вишни, которая, как назло, пыталась вырасти выше пятиэтажки?! Все же вишни как вишни, а эта... А друга — в доме напротив? Там не так интересно, да и смысла, тащить телескоп к нему, нет — окна выходят на другую сторону... Прошло чуток времени, и ты гулял по ночному и безлюдному городу, чтобы постоять и заглянуть в окно к НЕЙ, но уже к другой ей. Один. Ты и город, ты и мысли, ты и мечты. Ничего больше! А друзья? Ты помнишь? Ведь ты выжил и вырос с ними! Да и чего врать-то, благодаря им и их родителям... Они тебя встречали, провожали, отпаивали, называя ласково — «сын-нок». Именно они помогли стать взрослым и таким, какой ты есть. Жалко, что не нельзя многим из них сказать это лично — я вам так благодарен!

А демонстративный уход из дома?! Отчаяние и надежда, так плотно переплетались, что, выйдя на засеянное чем-то поле, помнишь? Помнишь то раздолье, от которого просто кружилась голова и хотелось орать во всю глотку! Ты так и делал! А мопед, который, падла, заводился только после того, как протолкать его минимум три километра, спуск на лыжах, по припорошённому снегом, но практически свежеско-

шенному полю, с торчащими острьяками кукурузы, называемому холмом, варка пойманной рыбы, на костре, в пластиковой тарелочке...

Новый год! Последний «новый год» в школе! Сорок два друга в гостях, до утра, в отдельно взятой трёшке родителей. Жалко, что в свои пятьдесят, не могу подискутировать с дедом, который ещё тогда, когда мне было лет восемь, сказал: запомни — настоящий друг может быть только один. Помню, что спорил, доказывал, возражал и даже пытался аргументировать, оперируя, видимо, исключительностью своего жизненного опыта. Поговорить бы с дедом сейчас, случайно придя в гости, обнаружив его сидящим на стуле, в тени виноградника... Сколько недосказанного! Нет! Не хочу спорить! Хочу просто поговорить, а лучше послушать... Подержать за морщинистую руку, почувствовать его похлопывания по спине...

Да! Ещё! Безумная идея сплава по горной реке в Чёрное море, поддержанная большинством — что нас остановило? Не помню. Скорее всего, просто отсутствие денег на скарб... Безумие и отвага! Но была надежда...

Выпускной! Рассвет, бутылка, чего-то непонятного, на шесть или десять человек, тоже не помню... Зато расписанную шариковой ручкой пожеланиями, накрахмаленную рубашка отца, помню. Потом первая взрослая ночь! А как же? Родители знали, что придёшь ты только утром! Последний звонок, как никак! Дискотека, кормление бездомных собак

«птичьим молоком», вино, со странным для алкоголя, но одновременно многообещающим названием «Улыбка», бурная река, девчонки в школьной форме, которая сейчас, наверняка, считается раритетом... Мы — высокие и голубоглазые блондины и за-а-апах... Запах юности, скорее всего... Вот, казалось, ещё полшажочка, и ты взрослый, чуть-чуть и всё в твоих руках!

Очень много времени прошло... Очень. По истории жизни каждого можно написать книгу или снять очень даже неплохой сериал... Сюжет, которого, к сожалению, а может быть и, к счастью, нужен только главному герою, родственникам и друзьям, но здесь, как говорится, — если повезёт. Странно, но факт — везло далеко не всем, хотя на старте шансы были абсолютно равны... Странно. Странно и необъяснимо.

Одно знаю точно: если не смотреться в зеркало, то нам все те же шестнадцать, двадцать пять, тридцать... Загадайте, кому сколь лет? Вспомните, когда вы были счастливы... Счастливы по-настоящему! На том возрасте мы и остановились. Рад, что вы есть, пусть даже у нас уже разные интересы, города и друзья... Сплав на плоту воспринимался, большинством, тогда, давно, как бред — это защитная реакция организма, и это понятно. Сейчас, к сожалению, абсолютно понятно, что вернуться в прошлое нельзя. Но, как бы скептики ни убеждали окружающих, в линейности времени, прошлое всегда с нами, и это, может, главное — помнить... Па-

мать безусловно лечит боль утраты или обиды — вспомнить школьную обиду не так-то просто! Попробуйте! Вам придётся очень сильно постараться, в вот счастливые моменты вываливаются из памяти самопроизвольно, без посторонней помощи. Но, всё же этого, как мне кажется, не самый главный фокус памяти! Главное — именно она стирает и время, и расстояния, нужно только остановиться, в безумной, взрослом марафоне, закрыть глаза, подержать в руках пожелтевшие фотографии счастливых, молодых, беспечных и самонадеянных НАС. Попробуйте поднести эти фотографии к носу — вы будете шокированы — это запах той счастливой и беззаботной юности... Запах НАС, счастливых, молодых, живых, наполненных грандиозными планами на счастливую жизнь...

Поколение X

Задали мне давеча вопрос: как вы думаете, какое поколение более адаптировано к существованию, ваше, то есть моё, или современное? Вопрос риторический, но требует развёрнутого ответа... Иначе никто же не поверит, да и звучать будет не убедительно...

Что угрожает современному молодому человеку, кроме метеорита? Не задумываясь, на раз, два, три — потерять зрение от мелкого шрифта в телефоне — раз! Быть сбитым, при переходе улицы самокатом, пытаюсь разглядеть мелкий шрифт в телефоне, — два! Можно ещё не услышать пере-езжающий тебя локомотив, из-за орущей музыки в наушниках, но это уже скорее исключение из правил. Что-то больше ничего на ум не приходит...

Вспомним юность — игра на выживание начиналась, ещё в детском саду! Гонки по заправленным кроватям, в «тихий час», гладиаторские бои на подушках, манная каша с чудовищными комочками, железно-холодный эмалированный горшок с ручкой... Параллельно, — изучение окружающего мира, в виде флоры, фауны, окружающих предметов и реакции воспитателя на разбросанные игрушки... Кислота муравьиных, извините, жоп, кстати, до сих пор, вызывает ре-

флекс слюноотделения... Опа, вот и первое отравление волчьей ягодой, укусы собаки и даже нападение петуха! Пережив подобное отношение к себе, как к существу, стоящему на верхушке эволюционного развития, и устав бегать от собак, каждый уважающий себя Маугли незамедлительно переходил к освоению инструментов труда, в частности, молотка, ножовки и плоскогубцев... Отбив девять из десяти пальцев, приложив к порезам подорожник второклассник СССР, с закрытыми глазами, мог смастерить так называемый поджиг, арбалет или, на худой конец, духовое ружьё! Зачем? Вы забыли про агрессивный животный мир, в виде почти бродячей собаки и, почти ничейного петуха?!

Дальше — больше! Фильмы о страшных немцах и великодушном, но одиноком, в войне с несправедливостью, Чингачгуке! Стоит ли вспоминать, что вместе с дротиками, дробью, шпильками, из алюминиевой проволоки, и стрелами у индейцев и красноармейцев, отважно шедших в атаку на немцев из соседнего квартала, отрывало руки, пальцы, а больницы периодически боролись за восстановление зрения раненых бойцов. Канонада стихала только с нестроевой, но всё же безапелляционно звучащей, командой: «Андрей/Сергей/Максим... Марш домой!» Обречённые на ужин и сон из незавершённыхстроек, подвалов, крыш и гаражей плелись, опустив голову и жуя гудрон. Унылые тени, подчиняясь воли родителей.

«Наши руки не для скуки», пели ВИА «Самоцветы» всем

выжившим и пережившим, плавно завершая героический, но лишённый даже минимального чувства самосохранения, период, подводя интеллектуальную базу знаний под дальнейшую игру, в русскую рулетку. Итак, нам понадобятся: алюминевая банка, вода, карбид, марганец, стружка магния, сера, медная трубка, кусок велосипедной камеры, пара болтов, гайка и изогнутый гвоздь...

Сквозь рассеявшийся дым, всё та же часть мужского населения к классу девятому-десятому, к удивлению, обнаруживает, что они не одиноки на планете! Вот они — девчонки рядом! Но пока не до сантиментов!

Сбор металлолома, макулатуры, тимуровская самоотдача, одиноким пенсионерам, безудержное желание оказать помощь подшефному колхозу и каторжный труд при сборе чего угодно, неожиданного, уродившегося, — всё отходит на второй план! На первом месте:

а) Постараться доказать всем и вся снизошедшую на тебя благодать знаний об устройстве Вселенной.

б) В случае диссонанса истинных знаний и представлений родителей уйти, в очередной раз, из родительского дома «навсегда».

в) Вернуться с минимальным ущербом для организма, из похода «за линию фронта», провожая девушку ночью, по родному городу, сквозь чужие микрорайоны.

г) Всенепременно устроиться на летних каникулах, на работу, чтобы заработать на поход в кино, кафе-мороженое и

часы Montana.

И это всё на фоне орущего и чадающего, отверстием, в том месте, где должна была находиться выхлопная труба, мопеда «Рига».

Что там говорите у современной молодёжи? Тонкая душевная организация? Психологическая травма? Сложные внутри коллективные взаимоотношения?! Что вы, что вы! Я и сам готов броситься спасти молодёжь! Предварительно, правда, хотелось бы уточнить некоторые детали...

Ах да, чуть не забыл — «психологический комфорт» и «всестороннее развитие» ... Телефончик ваш не забудьте — интернета там просто завались...

P.S. Вы замечали, что поколение, которое не обжигалось расплавленным свинцом, не собравшее из металлолома велосипед, не перерисовавшее ни одного чертежа самолёта из журнала «Моделист конструктор» или «Юный техник», не прочитавшее вовремя «Остров сокровищ» и «Путешествие к центру Земли», не интересуется ничем! Совсем ничем! Костры, палатки, байдарки и гитары, белоснежные облака и багряные закаты, Млечный путь, Чёрные дыры и все Марианские впадины, вместе взятые, будоражат, мне кажется, сознание только тех, кто выжил не благодаря, а вопреки. Надеюсь, что ошибаюсь...

Ну и, чтобы остаток дня мелодия не выходила у вас из головы, — пара строк из песни юности:

Взвейтесь кострами, синие ночи!

Мы пионеры — дети рабочих.

Близится эра светлых годов...

Часть I Загадки питерской романтики

От автора: Дорогой читатель, поскольку это мой , в смысле сейчас он, конечно, у вас в руках, сборник, но пользуясь тем, что обрывки мыслей и текстов мои, собственные, с удовольствием, а на самом деле ещё и с целью сохранить, и, может быть заставить тебя задуматься, о чём-то о своём, добавлю несколько глав, контрастирующих с форматом книги. (А может быть и нет.)

История, описанная в повести «Изгой», продолжится. Главные герои выжили, они продолжают чувствовать, удивляться и искать ответы на вечные вопросы...

— Невский проспект. Следующая станция Горьковская
— громко и безапелляционно объявил автоинформатор.
— Приехали, пошли. — Ольга взяла Игоря за руку.
— Куда идём? Предлагаю — по Невскому, мимо Казан-
ского к Исаакию, потом по набережной... Мы же гуляем! Я
даже не помню, когда мы последний раз в центр выбирались.

Маневрируя между неторопливо перемещающихся бабушек, с тележками на колёсиках, бегущих к эскалатору полумных студентов и просто стоящих в прострации, видимо, влюблённых, ожидающих своё счастье, они вышли из подземного города.

Яркое, майское солнце заливало город. Ещё не забывшиеся бесконечные дожди, слякоть и серость казались далёким прошлым — несколько недель хватило городу, чтобы высохнуть, сдуть с себя остатки антигололёдных реагентов и тошнотворно запахнуть варёной кукурузой.

— Хочешь кукурузу? — В надежде на отказ, обратился Игорь, уворачиваясь от флегматичного прохожего, упрямо пробирающегося навстречу общему движению.

— Нет, она невкусная. — Скорее догадался, чем услышал, сквозь — «Где-то мы расстались, не помню, в каких городах», — орущего в микрофон, барда, — «Выхода нет!»

«Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере, в Петербурге» — вспомнил зачем-то, слова классика, Игорь и тут же был сброшен с неба на Землю «нехорошим человеком -редиской», наступившим ему на ногу.

— Извините, пожалуйста. — произнёс прохожий и ускорился в направлении от.

Ой, бл... Гоголю доверия больше нет, подумал Игорь, но вслух произнёс — Ничего-ничего, всё нормально, не беспокойтесь.

С броуновским движением, царящем на тротуарах Нев-

ского проспекта, доходящего до апогея в местах, обозначенных буквами «М», можно бороться только двумя способами: исключить себя из числа участников упорядоченного хаоса или принять тактику врага, уворачиваясь и толкаясь, за место под солнцем. Держась за руки и не сговариваясь, Игорь и Ольга выбрали первый вариант, перейдя дорогу к Казанскому собору. Тут, как казалось, было более спокойно, а на фоне противоположной стороны — безмятежно. Скорость людского потока свелась на нет многочисленными гостями города. Пытаясь выбрать лучший ракурс, здесь преобладали любители собственного изображения, на фоне исторических конструкций, коллекционеры холодильных магнитов, потомки Суворова, Барклая-де-Толли, и, немногочисленные, — крестьянина Воронихина.

— Мы же гуляем, так? — слегка сжимая руку Ольге, произнёс Игорь, — вот! А я подготовился... Пойдём сядем на лавочку? — указал он куда-то прямо и налево.

Расположившись возле небольшого фонтанчика, Игорь извлёк из рюкзака небольшую бутылочку коньяка, пару пластиковых стаканчиков, упаковку конфет «Рафаэлло» и внушительную кисть винограда.

— Ты не можешь без алкоголя, да? — скорее дежурно воспитывая, чем явно укоряя, произнесла Ольга.

— Солнышко моё, конечно, могу! Но, во-первых, мне так лучше гуляется, во-вторых, врачи ещё даже не в курсе, что мне нельзя пить, в законные выходные, как, в принципе, и

я, а в-третьих, — почему бы и нет?! Бери конфетку, держи, — он протянул ей стаканчик с коньком, — за нас! Мы молодцы! Я рад, что ты у меня есть... Иии... Наконец-то весна! Кстати, -выпив и подкурив сигарету, продолжил Игорь, — ты знаешь, данным-давно я не мог себе позволить купить любимой девушке одну штучку рафаэллиной конфетки... Восемь рублей штучка — не маленькая сумма! Так что, как поёт известный, в узких кругах, исполнитель — «И оказывается, жизнь налаживается, который год все без конца, жизнь налаживается...» Кстати, как ты думаешь, не от слова-ли «лажа» происходит слово «налаживается»?

Ольга улыбнулась в ответ и закусила конфеткой, — «налаживается» несёт смысл прогресса. Вот у нас, конфеток теперь целая коробочка.

— Трудно спорить, хотя и очень хочется — всё относительно. Был бы я тогда рад также одной конфетки, как сегодня — кучке? Сейчас — это данность — нужно просто зайти в магазин, а тогда — почти счастье... Представляешь, купить кусочек счастья, подержать в руке и подарить девушке... Здорово, да? Почти смысл жизни!

Практически полное отсутствие любой растительности на Невском проспекте компенсировалось утопающими в зелени деревьев лавочками и тропинками, посыпанными гранитной крошкой, в небольших садах и скверах. Находящейся в паре десятков метров от проезжей части Невского проспекта Воронихинский сквер, непостижимым образом, выполнял

свою задачу: время замедлялось, цвета становились ярче, а звуки приглушались. С удивлением можно было заметить, как к струйке воды, из головы Посейдона, прильнул прохожий, а через минуту, заботливая хозяйка, усадив на каменную чашу, любимого мопса, заботливо предлагала ему утолить жажду — жизнь многообразна.

— Я люблю животных, — указывая Ольге на тупую морду, ошибки природы, — под коньячок я готов даже жить на одной планете вот с этим... При условии, конечно, что мне не нужно будет таскать его на руках на водопой, гулять на рассвете и мыть лапы... Коты, точно тебе говорю, намного полезней — пушистые, мурчат, всегда чистые и не гадят по паркам, а, исключительно, — в домашние лотки.

— А я люблю собак, особенно больших, — ответила Ольга, — холёных, с огромными лапами и умными глазами...

— Ну да, ну да, — не дал размечтаться Игорь, — и чтоб жрал два ведра в день! Я не против — давай заведём себе собаку Баскервилей, но при выполнении нескольких условий: рассвет и закат он встречает на улице самостоятельно, без человеческой помощи, а еду добывает себе сам, так как я его тупо не потяну — у меня ипотека. За это я готов мазать его фосфором и открывать дверь на улицу. — Задумался и добавил, — и в машину на кожаные сиденья, не пущу — пусть рядом бегает — ему полезно! Год-другой тренировок, и он любой жертве два квартала форы даст...

Часть II Счастье

— Ладно, сиди не сиди, а перемещаться надо, — Игорь улыбнулся, протягивая Ольге руку, — пошли? Цвет воды в

Мойке, по набережной которой шли Игорь и Ольга, на уровне инстинкта, подсказывал, что рассматривать реку, как водоём для отдыха можно максимум два раза в жизни: в первый, который, скорее всего, со стопроцентной вероятностью, может стать последним и в день ВДВ. — Совсем не удивляет тот факт, что в Питере жуткое количество самоубийств, — всматриваясь в воду, — произнёс Игорь. Вот смотри, вроде бы вода чистая, да? А оттенок сине-коричнево-жёлтый... Нева, Фонтанка, Обводный канал, какую ни возьми, все местные реки отличаются от рек на Юге. Взять хотя бы Дон — мутный, как правило, но всем своим видом показывающий, что тёплый; горная Лаба — кристально чистая, яркая в лучах солнца, журчащая, на перекатах всегда несущая прохладу, а что может принести река такого цвета? Н-да, реки в Питере — это интерьер города, не более чем. Откуда знаю, не помню, такую историю — ты можешь себе представить, раз уж я вспомнил про самоубийства, — только за 1924 году, и только на одном из мостов, за год было триста шестьдесят семь попыток самоубийства! В году триста шестьдесят тять, в худой — триста шестьдесят шесть дней! По-моему, на Каретном мосту, через Обводный... Там утонуть-то нужно ещё постараться! Народ, видимо, и старался, другого объяснения у меня нет, так как дня ВДВ тогда ещё не придумали. Потом, конечно, изучали-изучали феномен, а в итоге засекретили... Удивительно то, что профессор психологии, забыл фамилию, изучавший мистику происходящего, сам сиганул

с моста и угодил в психушку. Потом его долго лечили, вылечили, и он ещё кучу времени в университете преподавал. Но удивительные вещи на этом не закончились! После его смерти в кабинете нашли блокнот, в котором он описывает, как его после лечения продолжает тянуть на мост, неведомая сила, и как она заставляет и хочет, чтобы он бросился в воду, с того самого моста...

— Жуть какая, — видимо, оценивая перспективы оказаться в воде, отреагировала Ольга, — нет уж, я до отпуска потерплю... Море, солнце, песочек... Зато здесь красиво...

— Кто бы спорил, только не я! Куда не плюю, — Игорь запнулся, — глянь, я хотел сказать, конечно же «глянь» — мы же в культурной столице, кругом красота и история! Вот, например, мост, по которому идём — самый широкий в Петербурге, почти 100 метров шириной, памятник Николаю первому — уникален тем, что архитектору Клодту удалось установить коня с наездником, всего на двух точках опоры! Вон там, — Игорь указал на улицу, уходящую влево от площади, — второй дом от угла, в нём жил Огюст Монферран. Про его творение Исаакиевский собор я уж молчу, но куда делся маятник Фуко, который тут долго висел — не знаю... А вот тут, на втором этаже, гостиницы Англетер, видишь два окна, в последний раз лёг на кровать Сергей Есенин — сейчас там уже даже комнаты той нет — здание внутри перестроили... Куда ни глянь — везде история! А вот тут, — ускоряясь под красный свет пешеходного перехода, Адмиралтейского

проспекта, — в своё время стоял ряд пушек, расстреливающих восставшие полки декабристов, которые собрались вон там, — он указал на «Медный всадник», просматривающийся сквозь молодую листву Петровского сквера...

— Зачем мне столько информации? Во-первых, всё, что ты мне рассказываешь, я и сама знаю, а во-вторых, — улыбнулась Ольга, — ты мне всё это уже не раз рассказывал!

— Может, и рассказывал, повторение — мать учения. Значит, буду молчать, — демонстративно в шутку насупился рассказчик.

— Рассказывай, чего уж там, — расстёгивая рюкзак, за плечами Игоря, и доставая оттуда плед, смиростивилась Ольга, — пойдём сядем вон там, на траве — я уже ногу натёрла, гулять...

— Красота требует жертв, — помогая расправлять плед,отреагировал Игорь, — каждый свои вериги выбирает сам, ты вот решила страдать через новые кроссовки, хотя я говорил, что надевать следует удобные... Несёшь, так сказать, красоту в массы, а мне ты бы и в старых кроссовках нравилась ничуть не меньше... Хорошо-хорошо, — увидев на лице спутницы одновременное удивление, непонимание и пренебрежение, с лёгкостью переводимое с языка женской пантомимы, на обычный, доступный всем мужчинам, вербальный, читаемый так: «Сударь, своей крайней необразованностью, полным отсутствием чувства прекрасного, такта, пренебрежением к эстетике момента и отсутствием сострада-

ния, к любимому вы можете скомпрометировать меня прямо здесь, в Александровском саду! Вы ведь говорите, что любите меня или есть сомнения?!» — Так вот, — всматриваясь в позолоченный купол Исаакия, продолжил мысль Игорь так, как будто монолог не прерывался, — знаешь, что, как мне кажется, объединяло всех этих людей?

— Кого? — Ольга уже, видимо, мысленно взвесила, за пару секунд, все за и против, в деле о несостоятельности Игоря, выслушала стороны свидетелей и готова была вынести вердикт моментально приводя приговор в исполнение.

— Монферрана, Николая первого, Есенина и даже декабристов вместе с генералом Милорадовичем, которого убили, может быть, прямо на вот этом самом месте, где мы сидим! Хотя нет, не только их! Объединяет всех людей на свете! В прошлом, настоящем и будущем...

— Наверное, то, что это всё люди? — Ольга вопросительно посмотрела на Игоря.

— Бесспорно, но это не так важно, как то, что они все хотели, в прошлом, хотят, в настоящее время, будут хотеть и стремиться за этим, в будущем — счастья! Ради счастья люди строили храмы, сеяли пшеницу, писали стихи, рожали детей, прокладывали дороги, убивали сами и развязывали войны... Кстати, самоубийства — тоже в эту корзину — всё ради счастья!

— Это на тебя так коньяк подействовал? — улыбнулась Ольга, — Вообще-то, всё, кроме самоубийств, можно на-

звать закономерным развитием и прогрессом. Храмы, города, научные трактаты и дороги — всё это развитие, а войны можно объяснить теорией выживания сильнейших — всё как в животном мире.

— Ну да, представляю на сельском сходе, в веке так десятом-одиннадцатом, — «А давайте-ка построим Храм? В конце концов, у нас же прогресс!» И все такие — «Точно! Что ж мы раньше не догадались!» Или вон, видишь, на лавочке сидит парочка, тоже прячут в пакете бутылку, точно не с водой! Наверное, о развитии думают и шоколадкой закусывают. А вон тот пацан, видишь? — Он указал на мальчугана, выпущенного на волю родителями, в целях насладиться минутой уединения и относительной тишины, — уже загонял своего пса, до предынфарктного состояния! Я уверен — бедный барбос рад бы умереть, но пока не получается — это у нас чистой воды выживание сильнейших.

В подтверждение слов, обессиленный барбос распластался, положив морду, с вытянутым языком на траву, всем своим видом показывая, что он уже видит собачий рай, молодость победила, а старость требует уважения.

— Ураааа, качельки! — Завопил человеческий детёныш и помчался, в сторону детской площадки, увлекая за собой, болтающееся на шлейке млекопитающее, находящееся в апокалиптическом шоке.

— Можно даже сказать, что всё ради и для Любви, но раз уж я про Счастье... Что такое счастье для тебя лично, —

Игорь посмотрел на Ольгу. — Сразу договоримся, что острова, машины, дома и дачи, то есть всё материальное, что можно пощупать, никого отношения, к счастью, не имеют.

— Почему же не имеют? Остров в Тихом океане, — мечтательно улыбнувшись, возразила собеседница, — я вот лично не против. Может даже счастье на личном острове, какое-то другое... Есть же выражение — «полное счастье», вот на острове, в окружении домов, дач, стиральных и не очень, машин, счастье было бы какое-то более полное, а так вот такое, какое имеем, — уже смеялась Ольга, — ипотечное! Под восемь процентов годовых... Хорошо, согласна — всё это, к счастью, имеет апосредовательное отношение, но всё же благосостояние является его незаменимой частью. Разве могли бы мы, быть счастливы в землянке, в то время, когда на улице прогресс, а кругом многоэтажки и тёплая ванна?

— Стоп, прервал рассуждения Игорь, — это никакого отношения, к счастью, не имеет и называется просто — зависть! Смертный грех номер четыре, между прочим! Аккуратнее в рассуждениях! — Хорошо, я шучу, конечно, счастье,

— Ольга задумалась, покачала остатки коньяка, в пластиковом стаканчике и откусив конфетку, продолжила, — я счастлива тогда, когда у всех всё хорошо, все здоровы, сыты и одеты...

— Солнце моё, давай я ещё больше конкретизирую — я спрашиваю про твоё личное счастье. Может, это звучит как-

то кощунственно, но мне абсолютно наплевать на самочувствие Папы римского или благосостояние мэра Петербурга — моё счастье от них ни никак не зависит!

— Хорошо, я не так выразилась... Не «все» и не у «всех», а тех, кого я люблю, тех кто мне дорог. Вот, например, прихожу с работы, ты меня встречаешь, и я вижу, что ты мне очень рад и всё у тебя хорошо — я счастлива. Если что-то где-то у тебя будет плохо — я буду несчастна. Так более понятно?

— Мне всё же кажется, что ты чуть путаешь понятия радости и счастья. Конечно, я рад, когда у тебя всё хорошо, когда ничего не болит у папы, когда детвора приносит хорошие оценки, но при чём тут моё счастье? Радость — это ответная реакция на окружающее воздействие, такое же как обида, злость, ненависть, только со знаком плюс, а счастье — это не реакция... Ну ок! Давай по-другому, если мы знаем, что ты счастлива тогда, когда у всех, кого ты любишь всё хорошо, то представим — папа здоров сейчас и на перспективу, я — само собой; в семье полное взаимопонимание и материальный достаток; сын счастлив со своей девушкой и перспективы там исключительно радужные... Идиллия кругом! Ты счастлива? Мне кажется, тут более подходит слово — «радостна», разве нет?

— Если всё было бы так, как ты описываешь, я была бы счастлива.

— То есть для чувства счастья достаточно нескольких сла-

гаемых, верно? Если все составляющие слагаемые собраны воедино, автоматически, наступает счастье и пока они вместе оно бесконечно! Класс! Я тоже так хочу! Осталось только составить список необходимого... Всё зависит, судя по твоему утверждению, от списка, а, следовательно, чем меньше в нём пунктов, тем реалистичней вечное счастье! В чём-то ты права — самые счастливые люди — в Кащенко! Список там не нужен — достаточно проснуться утром! Предел мечтаний — ущипнуть медсестру за ж..., в смысле, за пятую точку. В чём подвох? Получается, чем меньше мы хотим, тем больше шансов даём себе на счастье?

— Ты всё переворачиваешь с ног на голову! В любом правиле существуют исключения и Кащенко в данном случае — исключение. Помнишь фразу из школьной программы Льва Толстого: «Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»? Люди также — все одинаково счастливы и, видимо, согласно твоему рассуждению, в зависимости от списка составляющих этого самого счастья. Алкоголики, кстати, — Ольга указала взглядом на пустую бутылку коньяка в сумке Игоря, — тоже уменьшают список составляющих счастья, но это искусственно, а следовательно, счастья не приносит — лишь самообман.

— Я понял, чтобы не попасть под «каток» здесь и сейчас нужно срочно соглашаться, — вытягиваясь на пледе и укладывая свою голову на ноги Ольги, произнёс Игорь, — я со-

гласен... Во всём, кроме одного — можно составить план комфорта, коктейль спокойствия и умиротворённости и даже радости, но запланировать счастье нельзя. Почти как в песне Утёсова — «оно нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждёшь...» Может, я не о том говорю, но оно, это самое счастье, не зависит ни от каких условий и даже больше — счастье может возникнуть из ниоткуда и вопреки обстоятельствам... Идёшь по улице, взглянул на небо; стоишь в поле, случайно оглянулся на бескрайнюю даль; сидишь на берегу моря и вдруг слышал спокойствие; маршируешь по делам, никого не трогаешь и вдруг — запах сирени... И вдруг, на доли секунды, понимаешь, как же всё хорошо и ты в самом центре этого «хорошо»! Нет, даже нехорошо — чудесно! Что нужно было? Какие составляющие важны? И вообще, что важно?

— Мне кажется, я тебя поняла! Ты говоришь о счастье, а сам думаешь чуть о другом, — Ольга задумалась, вспоминая отказывающееся вываливаться слово, — это очень похоже на то, что в православии называется благодать! Существует такое чудо, которое описывают словами, — «снизошла Благодать». То есть иногда бывает, что Бог дарует тебе некий «вау-эффект» за что-то или для чего-то и твоя задача не только заслужить, уловить его, но и постараться удержать в себе, как можно дольше... Но удержать его невозможно, так как все мы люди, из крови и плоти... Это не наше понимание счастья — это нечто другое...

— Ну да, ну да, ты права, только занюхался сиренью — чуть под машину не попал, засмотрелся на набегающую волну — опрокинул стакан с пивом, взглянул на небо — наступил на кота... Эх, жаль...

— Кота?

— Кота отдельно жаль! В моём «Табеле о рангах» кот, akurat располагаясь между разлитой кружкой пива и водителем с инсультом...

— И?..

— Ну что и? — Игорь улыбнулся, глядя в глаза, склонившейся над его головой Ольге, — всё очень просто! Нужно умудриться не попасть под машину, постараться не разлить пиво, не раздавить кота или не вступить во что-то похуже, разглядывая облака, ценить, что имеешь, и постараться удерживать в себе Благодать!

Часть III Фантомные боли

Несколько крупных капель дождя упали, на вытянутые из окна балкона, руки Игоря, — Вау! Кайф! Оль, подставляй ладошки, смотри как здорово! — Иссиня-чёрное небо вдали, за домами, скрывающими Финский залив, завораживало своей надвигающейся мощью и неотвратимостью, а усиливающийся, с каждой минутой ветер, норовя перерасти в ураган, многократно усиливал ощущение человеческой беспомощности. Пыль закручиваемая Стрибогом*, подхватывала оторванные листья, мелкие сучья, поднимала в воздух и уносила куда-то ввысь, целлофановые пакеты, из стоящего недалеко мусорного контейнера и неминуемо обрушивалась на спины немногочисленных прохожих, освобождая место для танца стихии.

— Жуть, да? Становись рядом!

— Игорь, тебе дождя не хватило? Полтора месяца почти каждый день... Как думаешь, — Ольга взглядом указала на посаженные тобой два дня назад, клёны, выдержат такой ветрище?

— Надеюсь... В лесу, пока они не окрепнут их защищали соседние деревья, а здесь... Я и не думал об этом, когда высаживал. Получается хотел как лучше, а получилось, как всегда.

— Ладно, я пошла, не хочу мокнуть. Догоняй. — Дверь

захлопнулась, оставив его наедине с мыслями.

— Странное чувство, — рассуждал Игорь, — Даже не могу определиться с тем, что же так тревожит, что именно и в каком месте болит, да и боль ли это? Скорее ноет... Вот уж не думал, что это всё ещё важно даже спустя тридцать лет...

*Стрибог- славянский бог ветра, повелитель пространства между землёй и небом.

Первые, дерзкие, хотя совершенного бестолковые, шаги взрослой жизни. Шаги без оглядки назад, без минимального чувства самосохранения и планирования следующего шага — жизнь сегодня, сейчас, полной грудью. Остановиться нет ни времени, ни желания, и, как казалось, возможности. Я уже разбежался перед прыжком с высокого берега, уже оттолкнулся... Ещё мгновение и вот оно — ощущение полёта, адреналин в крови и приближающийся водоворот горной реки.

Армия. Весь мир в мгновение юности разделился на добро и зло, неприятие, ненависть, смерть и... Зелёные глаза, дрожь прикосновений, к маленькой девичьей ладошке, рубашка цвета неба, с огромными завитками причудливых розовых бутонов, запах белокурых и слегка растрёпанных волос, шум горного потока и яркие краски весеннего утра... Этого было более чем достаточно, чтобы жить, чтобы выжить вопреки, чтобы вернуться. Она ждала, я точно знал — ждала меня!

Тридцать лет прошло. Друзья, одноклассники и сослу-

живцы, свадьба, нищета, дети, борьба за выживание, предательство, бурный развод, нескрываемая, и бесконечная ненависть — всё давно позади. Человеческий мозг, пытаюсь сбросить психику хозяину и нормальное кровяное давление, всеми силами пытается стереть из памяти лица, поступки, события, размывая всё и всех в аморфное слово — опыт... Можно было бы ответственно и громогласно заявить: «у него неплохо получается», если бы не мгновенный ступор от порыва ветра, сорвавшего со случайной прохожей, аромат давно забытого Christian Dior Poison... Скрип половицы, возвращающий тебя в бабушкин дом и детство... Где-то там, шум водоворота реки и мгновенное осознание того, что вот здесь, сейчас, за спиной, стоит она, положив свои руки мне на плечи, — по-другому быть не может... Запах весны и её рубашки, цвета неба, с огромными завитками причудливых розовых бутонов...

— Не хотел, но сейчас чего уж, — вспомнил Игорь слова друга детства, произнесённые им сегодня в баре, за кружкой пива, — Толика помнишь? Умер он два месяца назад — сердце остановилось... Прямо во сне... Поэтому и рассказываю тебе: нет его и секрета больше нет. Я спрашивал, почему он куда-то пропал после того, как ты вернулся из армии? Помнишь же одна же у нас была дружная компания, а тут бац и пропал. Стыдно ему было, понимаешь... С Надей он кувыркался, пока ты в армии был... Ты не знал? Он рассказывал, что она сама на него вешалась, он сначала сопротив-

лялся, а потом... Игорь, с тобой всё нормально?

— Да всё хорошо...

— Игорь, с тобой всё нормально? Идёшь? — Ольга, приоткрыв дверь, смешно нахмурилась.

— Да, всё хорошо. Иду, иду. Докурю только...

Неужели бумеранг, запущенный Надей больше тридцати лет назад, — размышлял Игорь, — вернулся ей моей изменой. То есть отношения, строящиеся на любой лжи, пусть даже известной одному и хранимой втайне десятилетиями, заведомо обречены... Почему об этом не учат в школах? Эта аксиома, наверняка, помогла бы избежать тысячи изломанных судеб.

Деньги у Толика, безусловно, водились, богатые родители, не то что у меня... Хотела красивой жизни? Зачем врать — не понимаю... Писать письма, в которых слова Любви, нежности, и одновременно «кувыркаться» с другом? Может, здесь корень ненависти? Груз лжи, страха и осознания своего предательства съел человека, оставив, со временем, только оболочку? А тут ещё я, как постоянное напоминание...

Зачем мне эта информация, тьфу... Противно... Как будто в дерьме измазался... Иногда нужно избегать информации, пусть даже правдивой и неоспоримой, чтобы оставалось место чему-то чистому, светлому, пусть даже в воспоминаниях, как та рубашка цвета неба, с огромными завитками причудливых розовых бутонов... Минус одно... Жаль, очень жаль времени, времени и поломанных судеб...

ЧАСТЬ V Все не то, тем чем кажется и не наоборот

Китай. Конфуций. 551—479 г. г. до Н. Э.

ПСС., 937 свиток, 3-я мудрость снизу.

— Ты знаешь, если бы я знала раньше всё, что знаю о тебе сейчас, то мы бы с тобой вместе не были, — Ольга посмотрела вдаль, — последние лучи солнца, освещавшие морскую гладь уже готовы, были скрыться за горизонтом, пустив неумолимо надвигающуюся ночь. Полоса прибоя уже погрузилась в пограничное состояние между днём и ночью, но последний луч солнца, неумолимо отступая перед тьмой, казалось, цеплялся из последних сил, за гальку, плед, расстеленный на берегу, колышки, туристической палатки, и скалу за ней.

— Я никогда и никого не обманываю, — не скрывая разочарования в голосе, ответил Игорь, — я могу о чём-то промолчать, не договорить, в интересах других, — и на секунду задумавшись, поправил сам себя, — да нет, и в интересах себя, конечно, бывает, редко, но бывает... Но я не обманывал и не обманываю тебя!

— Я знаю, знаю... Как бы тебе объяснить, — Ольга задумалась, — когда у тебя есть возможность выбора между

молодым человеком «с чемоданом» или молодым человеком налегке, конечно, выберешь второе... А я, вопреки женской логике — первое, — она улыбнулась и обняла сидящего рядом Игоря за шею.

— Н-да уж, иногда лучше жевать, чем говорить, — улыбаясь, но всем своим видом изображая обиду, отмахнулся Игорь. — Вот скажи: зачем мне эта информация? Слова то какие — «с чемоданом»! Может, я не с чемоданом, а с опытом!

— Так, я и говорила, «с опытом», — это ты так услышал!

— То есть при выборе «с опытом» и без, ты бы выбрала второе?! Господи, храни королеву, — пытаюсь сдержать улыбку, он обхватил голову руками, — беспощадная женская логика... Знаешь, у меня в детстве, точнее, юношестве, была бредовая идея — найти себе юную особу и воспитать «под себя» ... К счастью, у меня ничего не получилось, хотя, признаться, я и не старался...

— Почему «к счастью»? Всё, что хотел, всё, о чём мечтал... Всё в одном флаконе, так сказать... Воспитал и наслаждайся всю оставшуюся жизнь!

— Сам не знаю, почему не получилось. Да и неважно, это — бред... Наверняка знаю одно: находится с таким человеком рядом было бы неинтересно и скучно. Представь, если бы я был идеальным и, как ты выражаешься «без чемодана», разве был бы я тебе интересен?

— Смотрю на тебя и не вижу... Ну-ка повернись в про-

филь! — Ольга обвела взглядом голову Игоря, от которого он потерял мысль, вертевшуюся на языке, — Нет, ничего не вижу...

— Так, стоп! Что ты не видишь? Что не так-то?

— Смотрю, смотрю, а нимба, нет! Может, ещё не слишком стемнело и он позже проявится, а? — Засмеялась Ольга, — Сам подумай, — не «чемодан», а опыт, не врёт, не пьёт, не курит, машина, четырёхместная палатка и даже удобства «во дворе», в виде отдельно стоящего сооружения — душевой палатки... Как можно было пройти мимо такого кавалера?!

— Думаю, что ты просто стоишь не под тем углом! Встала бы, как следует, его сразу было бы видно. Сарказм уловил. Курить брошу, обещаю. Пиво — не в счёт! И вообще, мир несовершенен, вот что!

— Свои слабости ты пытаешься оправдать несовершенством мира? — улыбнулась в ответ Ольга.

— Вспоминая, сказанное ранее, а именно то, что я не вру, вынужден ответить на твой вопрос: да, конечно, пытаюсь... А почему для тебя не курить мне — хорошо тебе? Почему я должен прочитать ту книгу, которую хочешь ты, чтобы прочёл я? Или лечь спать пора мне, когда глаза закрываются у тебя? Поэтому я и говорю, что мир несовершенен...

— Да я не настаиваю! Не хочешь спать, сиди хоть до утра, просто...

— Вот, — Игорь прервал начатую Ольгой фразу, — «Просто...» и далее по тексту: просто я бы хотела, чтобы ты был

рядом, или просто тогда води себя тихо, как мышка и не мешай мне спать или ещё сто пятьсот «просто».

Южная ночь незаметно захватила гладь моря, берег, скалу, палатку и молодых людей, сидящих в обнимку на берегу. Осязаемый мир сжался до крайне ограниченного видимого ландшафта, открывая лунную дорожку, на еле уловимой водной ряби и бесконечность Вселенной над головой...

— А бывают идеальные люди? Может быть, ты даже знаешь парочку таких? Может, где-то живёт скромный семьянин, владеющий несколькими нефтеперерабатывающими заводами и парой островов в Тихом океане, который даже в туалет-то не ходит, чтобы не портить амплуа, но знает наизусть большую советскую энциклопедию и пахнет, семь дней в неделю, исключительно Louis Vuitton! — Игорь встал и, размахнувшись гладеньким камешком, запустил «блинчик» по воде, — три, пять, шесть, семь, восемь! — И да, конечно, он высокий, голубоглазый блондин в белоснежном костюме, на вороном жеребце...

— А вдруг он существует, — улыбнулась Ольга, — и когда ты его встретишь, всенепременно раскаешься в своём неверии!

— Я даже больше скажу! Когда я его встречу, я тут же паду ниц и уползу в монахи замаливать прощение! Если я не ошибаюсь, ещё Конфуций сказал: «Всё не то, чем кажется, и не наоборот», как ты понимаешь, эту фразу?

— Я тебя послушаю...

— Что для тебя чёрный цвет?

— Ну как, чёрный он и есть чёрный, разве нет?

— Нет! Для меня вот этот чёрный намного чернее, чем какой ни будь «тот», этот прям смоляной, хотя оба, в принципе, чёрные... Ладно, давай другой пример. Представь стол, на нём клочок бумаги, и я нарисовал на нём цифру «9»... Ты какую цифру видишь? Шесть! И она для тебя истина! А я — девять! Где же истина? Шесть неоспорима для тебя! А цифра «девять» — для меня. Подумай, как на этот спор смотрит, с высоты, висящая на потолке кухни люстра? Интересно, что для неё истина, да?

Теорию эволюции Дарвина я опровергнуть не могу, хотя и очень хочется, но он когда-то сказал, что уверенность в своей правоте чаще всего, порождается невежеством, — Игорь оглянулся за спину, где по склону обрыва, казалось бы, безо всяких причин, скатились несколько камешек, — поэтому большая часть человечества не узнает о том, что она ничего не знает... Понимаешь? Никогда не узнает! Истину, другого человека, можно попытаться представить и даже дать ей шанс на существование... Ну смотри, пока я тебе говорю ты можешь попытаться услышать мысли в моей голове, ты можешь даже увидеть мою цифру девять, своими глазами, но как только я замолкаю, или, как только ты не захочешь меня слушать, картинка пропадёт моментально — останется только твоя «истина»! Да и оба мы далеко не люстры, висящие где-то относительно высоко, чтобы видеть картину такой, ка-

кой она есть... Мы остаёмся со своей облезлой истиной... Значит, задача говорить! Говорить и слушать! А услышав — верить... Тогда ты услышишь, почему я не хочу сейчас спать, читать эту книгу и бросать курить, — Игорь улыбнулся, — ты меня слышишь?

— Конечно, слышу, я же не глухая! Я подумаю, над тем, что ты сказал, но завтра... Спать уже пора — завтра опять нужно будет постараться не обгореть на солнышке... Пойдём? Может, мне приснится владелец нефтеперерабатывающих заводов на белом или вороном жеребце... Лучше — белом, со звёздочкой во лбу...

— Это всенепременно и даже не обсуждается! Конечно, приснится! Но — это будет всего лишь сон, и, увы, только там возможно существование идеальных, во всех смыслах, персонажей. Так что, — улыбнулся Игорь, — дай, пожалуйста, пять минут. Докуриваю и — спать. Иди, пока, сама.

Тихо сам с собою...

От автора: Без предварительного пояснения, к тексту поста, никак не обойтись...

Общаясь с другом, к удивлению, обнаружил, что я не одинок в непонимании женской логики поведения, после расставания с женщиной. Нет, конечно, бывают исключения, и я даже знаю их лично, но поступки, мысли и желания этих «исключений» вполне укладываются в мужскую логику, поэтому от них не встают, на загровке, волосы дыбом, они не вводят в ступор, на лбу не выступает испарина и рука, автоматически, не ищет что-то, чем можно застрелиться... С основной же массой всё намного сложнее...

— Как мог тот человек, который в определённый момент вдруг стал ближе всех на свете, от прикосновения к руке которого бросало в дрожь, а от объятий разливалось тепло и спокойствие, превратится в мразь, изрыгающую желчь? Да, прошла любовь, да развелись, наговорили друг другу с три короба, но было же и хорошее, причём хорошего было в сотни раз больше! Объясни, как так получилось? Почти двадцать лет совместной жизни, дети, в конце концов!

— Зачем оно тебе — это знание? Легче от этого не станет, сам знаешь.

— Да, конечно, это всего лишь эмоции... Пытаюсь понять, чтобы простить, но пока ничего не получается...

— Ничего и не получится, не парься, — вы мыслите разными категориями: ты — положительной памятью и связанными с ней эмоциями, и чувствами, а твоя бывшая супруга — отрицательной. Всё, что было до развода, для неё не существует, понимаешь?

— Нет. Как это возможно?

— Память избирательна, с этим ты спорить не будешь? Мы помним то, что хотим помнить, и в этом нам помогает воспитание. Чтобы проще понять роль воспитания, приведу такой вот пример: представь, что ты пчела... Пчёлы — твои родители, растили тебя на мёде и патоке. Прошло время, у тебя, наконец-то отрасли крылья... Каждый раз, взмывая в небо, ты будешь видеть цветы и пыльцу, чтобы, в конце концов, получить мёд и патоку... А теперь представь, что ты муха, вылупившаяся в навозе... Пролетая над городом, ты будешь видеть исключительно мусорные свалки, выгребные ямы и фекалии... Кроме того, ты будешь их искать везде, вот в чём дело! Даже там, где их нет! Наше воспитание формирует необходимое нам окружение. Оказавшись без твоего влияния, она строит то здание, в котором комфортно именно ей и ты тут ни при чём — это её воспитание.

— Но так ведь не было? Мы же дышали друг другом! Нашим отношениям завидовали абсолютно все, кто нас знал!

— Конечно, не было! Всё было великолепно! Я и не спорю... Только одна поправочка — всё, в той, в прошлой жизни, крутилось вокруг тебя, ты решал её дальнейшую судь-

бу... Вспоминай: переезды, квартиры, машины, даже школьный аттестат с положительными оценками — благодаря тебе! Ты поворачивал голову и указывал, куда смотреть, и вдруг тебя не стало... Ну а дальше я тебе уже говорил — возвращаемся к истокам.

— Откуда же такая ненависть и злоба?

— Вот здесь ты ошибаешься... Все эти высокопарные «ненавижу», «сдохни под забором» и «ты испортил мне жизнь» произносятся только для одного — произвести впечатление на окружающих... Да, да, и на тебя в том числе! С одной стороны, перестань она произносить подобное, её просто не поймут в стае, не пожмут руку и не обнимут, утешая, а с другой стороны, — это оправдывает её чудовищные поступки в собственных глазах. У неё к тебе даже ненависти нет... Ты для неё умер, и она тебя похоронила... Единственное чувство, которое она может к тебе испытывать, — это зависть... И вот тут, на гребне волны зависти, она и выплёскивает всё то, что ты называешь желчью.

— Зависть?! Чему завидовать-то?! Тому, что в одночасье стал бомжом, оставив ей квартиру, тому, что проехал полстраны, меняя город за городом, в попытке заново встать на ноги, или тому, что лишился детей?

— Ты не видишь того, что имеешь! Ты любил и любишь! Любишь уже не её, понимаешь? Именно этого она не простит тебе никогда... Её не интересуется тот факт, что любовь пропала по вине обоих, причём пропала задолго до расста-

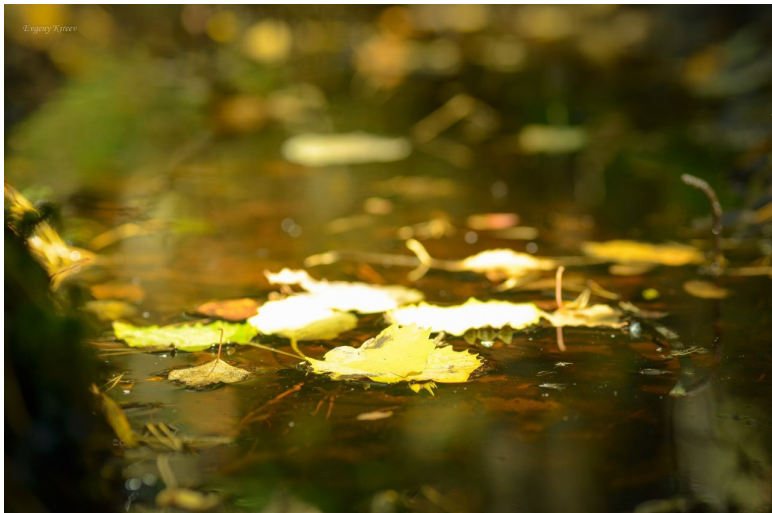
вания, — ты её предал, когда смог полюбить заново. В её жизни больше нет любви — она не смогла...

— Разве можно жить без любви? Это ведь страшно! Мне её искренне жаль...

— Слово «жить», я думаю, тут, можно употребить только в физиологическом смысле, поэтому подбери какое ни будь другое. Да, чуть не забыл, прежде чем ты дашь своё определение, напомню фразу из Библии: «Бог есть любовь, и кто пребывает в любви, тот пребывает с Богом, и Бог пребывает с ним».

Спорный диалог, да? Очень спорный...

Часть IV Время

О чём задумался? — Ольга взяла Игоря за руку и улыбнулась, — давай, рассказывай.

Осенние листья, больше не нужные деревьям, последними днями своего существования, казалось, пытались произвести максимальный эффект, разнообразием оттенков, на оттолкнувшие их ветки деревьев, гордо разгуливающих ворон, на самих себя и на прохожих. За несколько сентябрьских дней, привычный парк, с небольшим озерцом и ротондой, в самом центре, заросший вековыми дубами, липами и

бог знает, чем ещё, преобразился в написанный, яркими мазками, самой природой, шедевр. Выбранная палитра от ярко-коричневого до жёлто-зелёного, освещаемая яркими лучами закатного солнца, пробивающимися сквозь начавшую редеть крону деревьев, сливалась в фантастический золотой ковёр, расстеленный по ещё зелёной траве.

— Жалко, что вся эта красота ненадолго. Время быстро течёт, — специально не поднимая ноги, чтобы каждым шагом разбросать максимальное количество шуршащего покрова, произнёс Игорь, — Хотя, всё в мире относительно и уж тем более время — его нельзя ни почувствовать, ни увидеть... Вот скажи мне, что показывают этот аксессуар? — Показывая часы на левой руке, обратился он к спутнице.

— Как что, — улыбнулась Ольга, — конечно, время!

— Ты уверена, что они показывают время?

— Ну конечно!

— Хорошо, раз они его показывают, значит, оно там есть, так ведь? Согласись, что невозможно показать то, чего у тебя нет!

— Невозможно.

— Отлично! Значит, мы знаем, что оно там, в этих часах есть... Но если мы разберём их до мельчайших деталек, то никакого «времени» там не найдём — шестерёнки, винтики, пружинки, и всё! Всё у нас в голове! Мы так придумали думать... Или нас так научили думать... Нас вообще, мне кажется, научили слишком много думать о том, чего нет.

— Ты о чём? Про время я уже поняла, — уловив серьёзную нотку в словах Игоря, насторожилась Ольга.

— Много чему есть определения, но пощупать, понюхать или даже показать друг другу мы не сможем, но я сейчас о всего нескольких подумал: долг и совесть...

— Почему именно сейчас, гуляя по парку, тебя посещают такие мысли?

— Парк совсем ни при чём... Сегодня день рождения у моей дочери — двенадцатое сентября... С момента развода прошло или пятнадцать, или семнадцать лет — даже не помню уже, так вот за все эти годы она меня ни разу не поздравила с днём рожденья... А у неё — сегодня. Семнадцать лет, представляешь?!

— А ты, ты поздравлял?

— Ну конечно, поздравлял, высылал подарки, звонил, — Игорь запнулся, — до какого-то времени... Потом перестал... Больно это, особенно когда там тоже не ждут, а вернее, там — это уже не нужно. Ты считаешь, что это мой долг, пока я жив? Плевать на то, что меня никогда не поздравляли, я должен? Я ведь старше, а значит, умнее; я ведь отец — значит обязан любить, одаривать и поздравлять? Ну, а как — у меня же совесть?!... Всё это я уже слышал сто раз. Давай без лицемерных фраз — всё это выдуманно и натянуто на глобус, чтобы максимально заполнить черепную коробку и усложнить жизнь, назвав это пафосно — совестью. Причём ей мои поздравления, скорее всего, похожи на то, так же как

идёшь с букетом роз и случайно распарываешь палец острым шипом или вступаешь в свежую, коровью лепёшку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.